

На медаль

Ольга Кедук

Ольга Кедук

На медаль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69980881

SelfPub; 2023

Аннотация

Выбор будущей профессии – задачка “со звёздочкой” для каждого подростка. А я ещё, как человек творческий, в последний момент решила изменить профессиональную ориентацию с медицинской на филологическую. Теперь точно не обойтись без курьёзов...

Ольга Кедук

На медаль

Анетта Станиславовна страдала.

Сердце её принадлежало детям и русской словесности. Но однажды жестокая судьба заставила её преподавать любимый предмет ученикам 11-Б класса.

Дети были чудесные – талантливые и увлечённые, 5 потенциальных медалистов на 30 светлых голов. Увы, несколько лет подряд они забивали на русскую словесность длинное нержавеющее изделие, причиняя Анетте Станиславовне нестерпимую боль.

Класс был профильный, химико-биологический. И большинство детей после выпуска планировали поступать в “мед”, равнодушно заявляя, что русский и тем более литературе они в анатомке видели.

Учительница погружалась в глубокую депрессию, пока не увидела за второй партой среднего ряда ВОЗМОЖНОСТЬ.

Возможность звали Олей, и это была я.

Благополучно пролетев с медицинским ещё в марте на предварительных экзаменах, я быстренько перекроила планы и намылила сандалики на журналистку.

Увы, на профильные предметы филфака я забивала так же радостно, как и одноклассники. Где-то журнале предыду-

щих лет злобно скалились четвертные "хорошо" по русско-му, особой грамотность я не отличалась, а списки литературы "на лето" не открывала с началки.

И теперь на пути к новой мечте стояла Анетта Станиславовна с журналом за девятый класс и хрестоматией. Сдаваться я пришла в конце апреля.

– В аттестат пойдёт девятка, – учительница выдержала профессиональную драматическую паузу. Жили мы тогда в Украине, где знания школьников оценивались по 12-балльной системе. Девятка в ней означала "твёрдую четверочку". Анетта Станиславовна продолжила, – но ты идёшь на медаль... – ещё пауза, – и на журналистику...

Я ждала милости и вердикта. Другим медалистам – будущим светилам медицины – педагог пятерки "дорисовала" по доброте душевной.

– Есть предложение! – сообщила она наконец. – Я тебе авансом поставлю 10 за этот год, ты выберешь литературу в качестве экзамена "по выбору", сдашь на 12, и тогда в аттестате будет 11!

Схема меня смущала. 12 была оценкой исключительной, что-то вроде "5+". И на экзаменах ставилась крайне редко. К тому же я не была уверена, что насочиняю ответ по абсолютно незнакомой мне школьной литературе даже на 9.

– А на 11 можно? И в аттестат 10... – робко и без особой надежды спросила я.

– Тогда сейчас поставлю 9, – пригрозила учительница.

Впрочем, экзамен был устный, витиевато выразиться я любила и умела, лить воду в сочинения тем более, а уж в художественной декламации стихов мне не было равных. В химико-биологическом классе точно.

Самоуверенность и амбиции взяли верх, так что на предложение я согласилась, в тот же день переписав заявление "по выбору" с биологии на литературу.

За неделю до часа X я начала подготовку: купила брошюрку "Билеты и ответы по русской литературе" и читала её перед сном. Понимая безнадёжность затеи и втайне надеясь на чудо, я пропускала "ответы" по ненавистным Толстому и Шолохову, делая упор на то, что любила – поэзию. В процессе "подготовки" даже разучила целых 18 стихотворений, рассчитывая, что хоть какое-нибудь мне пригодится.

Утром в день экзамена я проводила друзей и одноклассников на алгебру, а сама отправилась сдаваться русской словесности с параллельным классом.

Экзамен принимала комиссия из трёх увлеченных литературой учительниц. Но одна из них отсутствовала по уважительной причине, а другая то и дело выскакивала в коридор, чтобы успокоить свою быющую в нервной истерике перед экзаменом ученицу.

Зато будущим медалистам полагался бонус в лице дирек-

тора. А, поскольку директор был человеком занятым и вообще математиком, отличников, включая меня, попросили выступить в авангарде групповой экзекуции.

Я пошла первой.

Судьба обошлась со мной жестоко...

Но не совсем.

Второй вопрос вызвал искренний восторг. Поэзию "серебряного века" я знала, любила и читала не по школьной программе, а по велению души. В списке из 18-ти выученных мной стихотворений шесть относились как раз к этой эпохе. А три вдобавок не фигурировали ни в учебнике, ни в хрестоматии для "дополнительного чтения".

К сожалению, билет содержал ещё и первый вопрос. Произошло то, чего я втайне боялась. Шолохов. "Тихий Дон".

Произведение я не читала, и мои знания ограничивались хаотичным набором фактов, услышанных на уроках Анетты Станиславовны. Точнее двумя фактами: роман о казаках, главную героиню зовут Аксинья.

– А можно начать со второго вопроса?

Комиссия не возражала и вообще была настроена благожелательно.

Я включила на полную мощь фонтан красноречия и завалила экзаменаторов удивительными фактами о поэзии "серебряного века". Вскользь упомянув "попсовых" Ма-

яковского и Есенина, заблестала знаниями об Анненском, Брюсове и Сельвинском, предполагая, что выход за пределы школьной программы даст мне пару бонусов перед шолоховским фиаско.

На четвертом из шести стихотворений меня попросили прерваться и перейти ко второму, то есть первому, вопросу.

Поэтический пыл угас.

– Шолохов, "Тихий Дон", – озвучила я вопрос.

Комиссия улыбалась и кивала.

Вдруг раздался стук в дверь.

Тихий голос из-за моей спины позвал директора, тот поднялся и, ласково буркнув мне "Продолжайте!", вышел.

Я со скрипом продолжила. Изложила скудные факты, которые удалось наскрести на задворках памяти в процессе подготовки...

Из коридора вновь донеслись всхлипы, и ещё один экзаменатор с извинениями меня покинул.

Мы остались с Анеттой Станиславовной наедине, не считая десятков готовящихся к ответу школьников.

Увы, факты о "Тихом Доне" кончились, и начались фантазии.

Рассказ мой коснулся главной идеи произведения. Потому что какая может быть главная идея романа о казаках? Правильно, свобода!

– Шолохов заложил в характере всех героев произведения всепобеждающее стремление к свободе! Свободе любить,

свободе принимать решения по совести. Между строк можно разглядеть и личные трагедии автора, жившего в несвободную эпоху... – лила я в уши Анетте Станиславовне, напоминая себе героя известного анекдота про блох. Та слушала без энтузиазма, но ободряюще кивала и вопросов не задавала.

Чувствуя поддержку, я возвысила голос, вырывая из ледяного сна присутствующих коллег по экзамену:

– Да, порой герои поступают, как велит им долг, но в этом читается великая скорбь украинского народа, века истории которого прошли в кабале подчинения!

Анетта Станиславовна подпрыгнула на стуле:

– Оля, какой украинский народ?

Мой энтузиазм лопнул, как воздушный шарик.

– Так... это... – я замялась, изнывая от желания продекларировать ещё пару стихотворений эпохи "серебряного века". – Казаки же...

– Оля, "Тихий ДОН"! Это донские казаки. Это в России!

Именно в этот момент в кабинет вернулся директор.

– Достаточно, Оля, – со вздохом поговорила Анетта Станиславовна. – Двенадцать... Следующий!